

Центр социально-экономических исследований

Марек Домбровски

Причины распада рублевой зоны

Авторизованный перевод с английского
Ирины Синициной и Алексея Рогинко

Варшава, декабрь 1995 г.

Материалы, публикуемые в настоящей серии, имеют рабочий характер и могут быть включены в будущие издания. Авторы высказывают свои собственные мнения и взгляды, которые не обязательно совпадают с точкой зрения Фонда CASE.

Данная работа была выполнена в рамках проекта *"Экономические реформы в бывшем СССР"* (*Reformy gospodarcze na terenie dawnego ZSRR*), финансируемого *Комитетом по научным исследованиям* (*Komitet Badań Naukowych*).

Редактор серии *Гражина Войчехович*

Редактор русского издания *Петр Козаржевский*

© Научно-исследовательский фонд CASE, Варшава 1995 г.

ISBN 83-86296-59-3

Издатель:

CASE — Центр социально-экономических исследований

Польша, 00-585 Warszawa, Bagatela 14

тел./факс (48-22) 628-65-81, 629-43-83

1. Введение¹

Существование и распад общей рублевой зоны на территории бывшего Советского Союза в 1992-1993 гг., т.е. уже после прекращения существования советского государства, породили множество дискуссий и противоречивых мнений среди политических деятелей и специалистов как в бывшем СССР, так и за его пределами. В самом начале периода постсоветской трансформации значительное число экспертов и организации (включая Международный валютный фонд) верили в возможность сохранения общей валюты для всех или по крайней мере для части республик бывшего СССР.

Одной из причин распространения подобной точки зрения были политические соображения. Именно они преобладали в среде определенных российских политиков, мечтавших о воссоздании в той или иной форме бывшей империи или по крайней мере о сохранении особых отношений с бывшими советскими республиками. Наилучшим образом подобная философия отражена в понятии «ближнего зарубежья». Наряду с этим, многие ведущие политики из стран бывшего Союза в течение довольно длительного периода поддерживали идею общей рублевой зоны, исходя из различных экономических и политических соображений. Экономическая поддержка общей рублевой зоны была обусловлена стремлением не разрушать устойчивые торговые связи, сложившиеся между бывшими советскими республиками. В тот период, еще недавний (в начале 1991 г.), опыт распада платежной зоны СЭВ породил весьма осторожное отношение со стороны многих западных экспертов к любым радикальным изменениям в торговом и платежном механизмах, сложившихся на территории бывшего СССР. Дополнительным аргументом были, по всей видимости, соображения более общего порядка о ценности региональной экономической интеграции. В то время как страны Западной Европы стремятся к укреплению своей экономической и политической интеграции, включая формирование в течение ближайшего десятилетия валютного союза с использованием общей денежной единицы, в восточной, пост-коммунистической части континента можно наблюдать противоположную тенденцию². Помимо бывшего СССР, дезинтеграция общих валютных механизмов произошла также в бывшей Югославии и Чехо-Словакии.

С точки зрения сегодняшнего дня попытки сохранения общей рублевой зоны представляются весьма наивными. Если не считать чисто экономических аргументов о вероятных преимуществах сохранения общей валютной зоны (которые, впрочем, от-

¹ Разделы 4-6 данной работы базируются на более ранних трудах настоящего автора и Рафала Антчака (см. Dąbrowski, 1995; Домбровски и Антчак, 1994). Историческая часть (разделы 3 и 4) основана на серии бесед с группой российских экономистов, принимавших активное участие в процессе трансформации. Наиболее важная информация была получена от бывшего и. о. премьер-министра Егора Гайдара, бывшего заместителя премьер-министра и министра финансов Бориса Федорова, бывших заместителей председателя ЦБР Дмитрия Тулина и Сергея Игнатьева, бывшего советника премьер-министра Андрея Илларионова и бывшего народного депутата РФ Михаила Дмитриева. Я также чрезвычайно признателен Алану Гелбу и Луциану Орловскому за весьма ценные замечания, высказанные ими к предыдущему варианту. Вне всякого сомнения, автор несет всю ответственность за содержание и качество настоящей работы.

² Автор настоящей работы в конце 1991 г. также поддерживал идею сохранения общей рублевой зоны исходя из указанных соображений (см. Домбровски, 1991), и теперь считает это ошибочным.

нюдь не очевидны в случае бывшего СССР), эти попытки совершенно не учитывали политических реалий. А последние состояли в том, что абсолютно необходимыми предпосылками сохранения общей валюты являются: наличие недвусмысленного политического консенсуса относительно общих валютно-финансовых целей, совместной организации, предназначенной для реализации этих целей, а также минимально необходимого общего законодательства, регулирующего банковские и валютные операции. Все эти условия после распада СССР отсутствовали. Более того, они отсутствовали уже в 1991 г. и даже в конце 1990 г., когда на практике начался процесс дезинтеграции денежной системы.

Тем не менее, бывшая советская валюта — рубль — была унаследована на первом этапе независимого развития всеми постсоветскими государствами. Это относилось как к тем странам, которые стали членами СНГ в декабре 1991 г., так и к тем, которые выбрали путь полной политической независимости (т.е. к странам Балтии). Вместе с тем, на функционирование валютной системы стали оказывать влияние сильные дезинтеграционные факторы, которые и привели к частичному коллапсу валютного союза в середине 1992 г. и к его окончательному распаду во второй половине 1993 г. Все политические попытки восстановить (по крайней мере, частично) рублевую зону, предпринимавшиеся в рамках СНГ, включая договор о валютном союзе между Россией и Беларусью, окончились неудачами именно из-за отсутствия вышеупомянутых политических и организационных предпосылок для существования общей валюты.

Настоящая работа носит преимущественно исторический характер; в ней анализируются причины дезинтеграции общей валютной зоны в бывшем СССР, этапы этой дезинтеграции, а также макроэкономические последствия этого процесса. Второй раздел работы посвящен краткому обсуждению экономических и политических предпосылок для успешного функционирования общей валютной зоны. В разделе 3 описывается процесс дезинтеграции общей валютной зоны, начавшийся в конце 1990 г., когда Советский Союз еще существовал. В разделе 4 рассмотрен процесс распада рублевой зоны в 1992-1993 г., после распада СССР. В разделе 5 описываются наиболее важные инициативы по восстановлению рублевой зоны, предпринимавшиеся в 1992-1994 гг. Наконец, в разделе 6 обсуждаются макроэкономические и другие последствия продолжения сохранения общей валюты в условиях политической дезинтеграции.

2. Основные экономические и политические предпосылки общей валютной зоны

Рациональность использования общей валюты на определенной территории может быть рассмотрена как с экономической, так и с политической точки зрения. В каждом случае необходимо дать ответ на два вопроса:

1. Имеются ли экономические основания для использования в пределах данной территориальной единицы общей валюты?

2. Возможно ли на данной территории проведение единой денежной и фискальной политики и использование общих денежных институтов?

Глубокий, детальный анализ этих двух проблем применительно к бывшему СССР выходит далеко за рамки данной работы. Вместе с тем, даже весьма беглый взгляд на бывшую советскую экономику приводит нас к отрицательным ответам.

Основой для обсуждения экономической стороны вопроса может быть теория оптимальной валютной территории, впервые предложенная Манделлом [Mundell, 1961] и разработанная МакКинноном [McKinnon, 1963]. Оба автора фактически ставят

знак равенства между территориями с одной валютой и территориями со многими валютами, конвертируемыми одна в другую по фиксируемому курсу. Рональд МакКиннон [McKinnon, 1963, p.717] отмечал даже, что «...фиксированная система курсов с гарантированной конвертируемостью валют — это почти то же самое, что и режим одной валюты». Однако оба автора упускали из виду проблему транзакционных издержек, которые существуют и при фиксированном курсе (и даже при его жесткой фиксации) и не существуют при действии режима единой валюты.

Проблема оптимальной валютной зоны возникает тогда, когда определённая территория (например, А) подвергается структурному шоку с точки зрения спроса или предложения по отношению к другой территории (В), что приводит к изменению двусторонних условий обмена (*terms of trade*) между ними. Наиболее простым способом приспособления к шоку является изменение обменного курса между валютами А и В. Однако это возможно, если на этих территориях действуют разные валюты с гибким обменным курсом. А если это не так (например, если обе эти территории являются районами одной страны), то остается использовать две другие формы приспособления:

- 1) движение трудовых ресурсов и капитала или
- 2) фискальное перераспределение.

Первая форма приспособления требует высокой мобильности факторов производства на территориях, подверженных кризису [см., например, Orłowski, 1994], как это происходит, например, в Соединенных Штатах. Однако в бывшей советской экономике никогда не существовало свободного перемещения товаров, труда и капитала, поскольку распределение ресурсов было целиком или почти целиком предметом центрального планирования и административного регулирования. Масштабное перемещение трудовых ресурсов по сталинской программе всеобщей индустриализации в 1930-х и 1940-х гг. было чисто административной операцией, нарушающей права и достоинство человека. Она ничем не отличалась от перемещения рабов. Позднее, во времена Хрущева и Брежнева, перемещение трудовых ресурсов стало более «человечным», поскольку в большей мере использовались методы материального и политического стимулирования; впрочем, от использования методов административного характера (например, от системы прописки) никогда не отказывались полностью. Трудно ожидать, что после распада СССР возникнет реальное свободное перемещение трудовых ресурсов, поскольку при этом возрастает роль этнических и культурных факторов. Те же самые этнические и культурные факторы, возможно, будут затруднять движение капитала, хотя здесь многое зависит от законодательного оформления этого процесса в каждом из новых независимых государств.

Что касается второй формы приспособления, то масштабное межрегиональное финансовое перераспределение использовалось во многих странах, таких как Соединенные Штаты, Франция, Германия (особенно по отношению к бывшей ГДР), а также между странами-членами Европейского Союза. То же происходило и в бывшем СССР, где дифференцированное воздействие внешнего шока было нейтрализовано масштабным фискальным и квази-фискальным перераспределением³ между советскими республиками, главным образом направлявшимся из России в другие союзные республики [см. Selm & Dülle, 1993; Orłowski, 1993]⁴. Такое положение частично сохранялось и в 1992, и в первой половине 1993 г. [см. Домбровски и Антчак, 1994].

³ Последнее имело форму субсидий к ценам и/или денежного финансирования.

⁴ Подобная аргументация может быть использована сегодня и применительно к Российской Федерации. Способность абсорбировать внешние шоки чрезвычайно различна в разных регионах, факторная мобильность чрезвычайно ограничена, и поэтому масштабное фискальное перераспределение необходимо поддерживать.

Однако в середине 1993 г. российские власти решили положить конец этой практике, по крайней мере в прежних масштабах. Это стало действительным концом рублевой зоны (см. раздел 4).

Как можно видеть из представленного выше анализа, свободная мобильность факторов производства на конкретной территории и ее потенциальная возможность единым путём отвечать на внешние импульсы — это два основных рациональных критерия для введения общей валюты. Если внешние импульсы асимметричны, а факторная мобильность ограничена, то страны должны сделать выбор между фискальным перераспределением и взаимным приспособлением обменных курсов. Для первого метода требуется по меньшей мере некоторое подобие политической конфедерации, а второй должен предполагать отказ от общей валюты.

Сильное асимметричное воздействие различных видов структурных кризисов на бывший СССР очевидно. Причины этого заключаются в огромной дифференциации промышленной структуры между отдельными советскими республиками. Например, после двух нефтяных кризисов 70-х гг., когда советские власти решили не приводить внутренние цены на нефть в соответствие с мировыми ценами, в первую очередь оказались в проигрыше Россия, Туркменистан и Казахстан, а остальные республики начали получать огромные косвенные субсидии для своей отсталой обрабатывающей промышленности. Ситуация принципиально изменилась, когда Россия в 1992-1993 гг. начала приводить свои внутренние цены на нефть и газ в соответствие с мировым уровнем. Необходимо подчеркнуть, что такое приведение в соответствие цен на нефть и уголь — это не единственная проблема структурного характера, с которой столкнулись страны бывшего Советского Союза (другой чрезвычайно важной проблемой является демилитаризация). Это означает, что страны бывшего Советского Союза должны были в прошлом и до сих пор вынуждены приспособляться к различным асимметричным структурным кризисам.

Приведенный выше анализ становится несколько более сложным, если дополнить его проблемой трансакционных издержек. Несомненно, использование общей валюты способствует снижению подобного рода издержек [Selm, 1995]. Это связано не только с издержками по обменным операциям, но и с рисками обмена (если обменный курс гибкий), а также с дополнительными сложностями, если отдельные валюты в полной мере не конвертируемы. Этот последний риск особенно актуален в описанном выше случае, так как в 1992 и 1993 гг. не было окончательно ясно, будут ли новые постсоветские валюты хотя бы частично конвертируемыми⁵.

В тех случаях, когда доля взаимной торговли высока, организационные издержки становятся важным аргументом в пользу введения общей валюты [Selm, 1995]. В глазах многих западных экспертов, включая экспертов МВФ, это, возможно, было основным аргументом в пользу сохранения единой рублевой зоны после распада СССР⁶. Однако их интерпретация была ошибочной.

⁵ К концу 1995 г. большинство новых валют фактически стали конвертируемыми, по крайней мере в отношении экспортно-импортных операций. Это произошло отчасти из-за воздействия демонстрационного эффекта стран Центральной Европы и Балтии, а отчасти вследствие давления МВФ.

⁶ За некоторыми исключениями. Например, Гаврилишин и Уильямсон [Havrylyshyn and Williamson, 1991] относятся к числу авторов, подчеркивающих важность торговых связей между бывшими республиками СССР и отрицательные последствия потенциального их разрыва. Однако в своих выводах они не подчеркивали необходимости наличия в будущем общей валюты как условия успешного экономического сотрудничества.

Довольно высокая зависимость некоторых советских республик, в особенности Беларуси и республик Балтии, от межреспубликанской торговли [см. Selm and Wagener, 1993; Orłowski, 1993] не означала, что торговые связи между республиками были оптимальными с точки зрения реальных сравнительных преимуществ каждой республики или региона и должны были быть сохранены любой ценой. Скорее, они отражали результаты произвольных инвестиционных решений (основанных на политических соображениях и критериях) и процесса политического торга, связанного с командной системой.

После распада СССР торговый оборот между бывшими республиками существенно сократился не только из-за установления торговых барьеров между некоторыми из них и неопределенности относительно системы платежей. Это произошло главным образом потому, что такая торговля ранее была большей частью нерациональна с точки зрения микроэкономических расчетов, в особенности после того, как цены на энергоресурсы и транспортные тарифы приблизились к мировому уровню. Дополнительную роль здесь сыграло существенное сокращение военного и инвестиционного спроса.

Распад традиционных торговых связей произошел не только между новыми независимыми государствами, но и внутри них, в особенности внутри России. Например, сегодня предприятия-поставщики из Москвы или Санкт-Петербурга совсем не обязательно являются наилучшими торговыми партнерами для предприятия, расположенного во Владивостоке, из-за огромных расстояний и высоких транспортных издержек. В данной ситуации последнее может предпочесть выбрать партнера из Японии, Китая или Кореи. При взгляде на проблему с этой точки зрения может возникнуть вопрос, является ли сама Россия оптимальной валютной зоной. Весьма слабое развитие транспорта, связи и правовой инфраструктуры на крупнейшей в мире территории, сохранение ограничений на проживание (институт прописки) и т.п. серьезно ограничивают межрегиональную факторную мобильность. Фактическое отделение московского финансового рынка от региональных — это лишь один из многих примеров. Я, однако, отнюдь не намерен выступать за какого-либо рода балканизацию России. Я лишь хотел бы привлечь внимание к роли дезинтеграционных факторов в бывшем СССР и сегодняшней России, которые не способствовали и не способствуют сохранению политической целостности.

Здесь мы подошли к рассмотрению политических предпосылок общей валютной зоны. Если несколько независимых государств хотят сформировать валютный союз, то они должны поступиться частью своего суверенитета — по крайней мере, в сферах денежной, фискальной и торговой политики; они должны прийти к соглашению об общем законодательстве в области банковского дела и регулирования обменных курсов, ликвидировать барьеры на пути движения товаров, рабочей силы и капитала, а в случае внешних кризисов, влияющих на внутреннюю ситуацию, они должны быть готовы к проведению межгосударственного фискального перераспределения.

Сегодня абсолютно ясно, что такие политические условия после распада СССР никогда не существовали. Политический суверенитет приобрел важную самостоятельную ценность⁷, а в отношениях между Россией и другими республиками, а также между некоторыми соседними республиками (наиболее экстремальным случаем являются Армения и Азербайджан) существовало немало недоверия и даже

⁷ Гаврилишин и Уильямсон [Navgylyshyn and Williamson 1991, p. 6] цитируют Гарри Г. Джонсона [Johnson, 1968], который отмечал, что «... национальные символы имеют независимые значение для многих обществ, и они готовы променять какую-то часть экономической эффективности на приобретение таких символов».

подозрительности. Политическая нестабильность и незрелость новых демократических институтов отнюдь не способствовали достижению какого-либо долгосрочного соглашения по вопросам, являющимся элементарными предварительными условиями для введения общей валюты.

Еще более важно и интересно то, что политические условия, необходимые для эффективного функционирования валютного союза, уже отсутствовали в последние годы существования СССР, еще до его формальной дезинтеграции.

3. Первый этап денежной дезинтеграции — экономическая война России с республиками Советского Союза (1990-1991 гг.)

В конце 1980-х годов политика гласности и перестройки в бывшем Советском Союзе, начатая Михаилом Горбачевым, привела к расширению политических свобод и ослаблению административных и полицейских репрессий. Результатом этого стало, помимо многих других политических и экономических последствий, возрождение национально-освободительных движений во многих нациях, входивших в состав советской империи. Лидерами этого движения стали республики Прибалтики. Именно здесь впервые сформировались идеи республиканской экономической автономии и экономических реформ, ориентированных на реализацию на республиканском уровне. В 1988 г. литовское движение «Саюдис», выступавшее за независимость страны, предложило комплекс мер по реформе экономики, ориентированный, помимо прочего, на расширение автономии республики [Samonis, 1995]. Составными частями этого пакета являлись организация республиканского центрального банка и введение отдельной республиканской валюты.

Сходная экономическая концепция, получившая название «нового экономического механизма» (эстонская аббревиатура — ІМЕ), была предложена в 1987-1988 гг. группой эстонских экономистов [см. Lainela and Sutela, 1995; Dąbrowski, 1989]. В обеих республиках началось постепенное формирование их будущих центральных банков; при этом, однако, сохранялись республиканские филиалы Госбанка СССР. Тем не менее, уже в 1989 и 1990 гг. между каждой из республик и союзными органами власти возникли первые конфликты вокруг вопроса о кредитной эмиссии. В Латвии о решении ввести собственную национальную валюту было впервые объявлено лишь в 1990 г. [Lainela and Sutela, 1995]. В том же году Латвия начала организовывать и собственный центральный банк.

Хотя Михаил Горбачев и другие члены высшего советского руководства в то время еще не были готовы пойти на независимость республик Прибалтики⁸, они открыто не возражали против идеи расширения республиканской экономической автономии, включая введение отдельных республиканских валют. Это, скорее всего, отражало непонимание политических последствий такой автономии, а в более общем плане — отсутствие концепции реформирования советской экономики.

Поскольку стремление к большей экономической независимости затрагивало только республики Прибалтики, постольку оно не представляло реальной угрозы для целостности советской денежной и фискальной политики. Это выглядит как крупный исторический парадокс, но решающий удар по советскому экономическому и поли-

⁸ Лучшим примером была чрезвычайно нервная реакция высшего звена советского руководства на провозглашение Литвой независимости в марте 1990 г. Москва наложила на Литву различные экономические санкции, включая прекращение поставок нефти и нефтепродуктов.

тическому единству был нанесен самой Россией. Весной 1990 г. новый парламент⁹ Российской Федерации выбрал своим председателем Бориса Ельцина, который формально возглавил Российскую Федерацию. Б. Ельцин, бывший член Политбюро ЦК КПСС и бывший первый секретарь московской партийной организации, в то время рассматривался в качестве основного соперника Михаила Горбачева. Он получил поддержку со стороны российского демократического движения, которое хотело пойти дальше ограниченных реформ перестройки.

Декларация о суверенитете Российской Федерации от 12 июня 1990 г. стала первым важным шагом на пути к дезинтеграции СССР, предпринятым новым российским парламентом. За ней последовали аналогичные декларации, принимавшиеся другими советскими республиками, а иногда даже и территориальными единицами низших уровней. Российская декларация о суверенитете содержала также некоторые общие заявления о собственной денежной системе. Декларация сама по себе не оказала прямого и непосредственного воздействия на денежную и фискальную политику. Тем не менее, логика политической борьбы между российскими и советскими властями должна была рано или поздно привести к более серьезным последствиям.

Прежде чем приступить к описанию процесса экономической войны между Россией и Советским Союзом, следует упомянуть о том, в чем состояла суть этого конфликта. Каких целей стремились достичь новые российские власти и элиты?

Ответ на этот вопрос — отнюдь не простая задача. На развитие реальных политических событий в тот период оказывало влияние множество различных факторов. Лишь одним из них было политическое и личное соперничество между Ельциным и Горбачевым. И Ельцин был не единственной политической фигурой, проявлявшей сильные личные амбиции. То же самое можно было сказать и о его заместителе в парламенте — Руслане Хасбулатове, который впоследствии стал одним из основных действующих лиц драматических событий сентября — октября 1993 г. Российское демократическое движение («Демократическая Россия», или «Демроссия»), все более и более разочаровываясь в непоследовательных реформах Горбачева, сделало свой политический выбор в пользу Ельцина. Если часть активистов российского демократического движения сознательно принимала перспективу независимости некоторых советских республик, то другие верили в возможность построения обновленного Советского Союза. Некоторые из либерально настроенных экономистов признавали, что сохранение федерации советского типа и общей валютной зоны сопряжено с огромными затратами, и именно в силу этой причины они не выступали против перспективы экономической дезинтеграции СССР. Они также не верили в возможность достижения рационального консенсуса в отношении единой программы реформ для всех советских республик, экономические интересы которых весьма сильно различались.

К сожалению, экономическая дезинтеграция СССР произошла спонтанно, в ходе популистской борьбы между российским и советским политическим руководством. В самом конце 1991 г. она привела к полной утрате макроэкономического контроля и к подавленной гиперинфляции. Однако еще прежде, чем это произошло, российские

⁹ Михаил Горбачев решил провести в марте 1990 г. демократические выборы в Верховные Советы республик, а также выборы в советы областного, районного и городского уровней. Качество процедур демократических выборов было различным в отдельных республиках и районах СССР, однако в целом выборы 1990 г. дали больше независимых законодателей на каждом уровне управления (годом раньше состоялись частично демократические выборы на Съезд народных депутатов и в Верховный Совет СССР). Это дало решающий импульс обретению политической свободы большинством советских республик.

парламент и правительство приступили к разрушению старого экономического порядка посредством принятия односторонних законодательных решений.

Первыми конкретными шагами на этом пути стали принятие в декабре 1990 г. закона о Центральном банке Российской Федерации и закона о банках и банковской деятельности [см. Матыцин, 1994]. Вновь организованный Центральный банк Российской Федерации (ЦБРФ) во главе с управляющим Георгием Матюхиным приступил к установлению личного и административного контроля над всеми региональными отделениями Госбанка СССР на территории России. Он также предложил более либеральные условия по лицензированию коммерческих банков. В результате такой конкуренции большинство коммерческих банков в Российской Федерации перерегистрировалось в течение нескольких последующих месяцев под юрисдикцией ЦБРФ. Центробанк России не соблюдал рекомендаций и решений Госбанка, касавшихся кредитной эмиссии, политики процентных ставок, требований к обязательному резервированию и т.п. Он начал финансировать республиканский бюджетный дефицит и российские предприятия посредством полностью автономной кредитной эмиссии.

Вслед за войной в денежной и банковской областях аналогичные действия развернулись и в сфере фискальной политики. Российское правительство начало укреплять свой контроль над предприятиями союзного подчинения, находящимися на территории России, предлагая более льготные ставки налогообложения. Собранные налоги использовались для целей республиканского бюджета и не передавались в союзный бюджет. Эту практику впоследствии использовали и некоторые другие республики. В 1991 г. союзный бюджет (особенно во второй половине года) остался без доходов, с одними лишь расходными статьями (из союзного бюджета по-прежнему финансировались армия и службы безопасности, центральная администрация, некоторые субсидии, капиталовложения и т.п.). Это привело, конечно, к неконтролируемому расширению денежной массы, поскольку Госбанк был вынужден финансировать громадный дефицит союзного бюджета.

Российские парламент и правительство также конкурировали с союзным руководством в сфере социальной политики, умножая число различных социальных привилегий и льгот. Эта популистская конкуренция дополнительно стимулировалась политическими событиями — референдумом о сохранении Советского Союза, проходившим весной 1991 г.¹⁰, и президентскими выборами в России в июне 1991 г., на которых победил Борис Ельцин. Это последнее событие и привело к государственному перевороту в августе 1991 г.

Союзное правительство во главе с Валентином Павловым предприняло отчаянную попытку улучшить макроэкономическое равновесие с помощью неэквивалентного обмена 50- и 100-рублевых банкнот в январе 1991 г. и административного повышения цен в апреле 1991 г. Оба предпринятых шага были взяты из традиционного арсенала мер командной экономики и не сопровождались какими-либо иными мерами по комплексному реформированию экономической системы. Кроме того, первое из этих двух решений было плохо рассчитано и реализовано, в результате лишь усилив экономический хаос.

Неудачный государственный переворот в августе 1991 г. стал поворотным пунктом в новейшей истории Советского Союза, приведя в декабре 1991 г. к его окончательному распаду. Переворот был отчаянной попыткой, предпринятой группой сторонников «жесткой» линии (включая вице-президента Янаева, премьер-министра

¹⁰ Этот референдум был формально выигран Михаилом Горбачевым — большинство проголосовало за сохранение обновленного Советского Союза. Итоги референдума, однако, не смогли остановить процесс дезинтеграции.

Павлова, министра обороны Язова, председателя КГБ Крючкова и председателя Верховного Совета Лукьянова), спасти советскую империю и предотвратить подписание нового Союзного договора, которым должны были завершиться переговоры в Ново-Огарево. С точки зрения сегодняшнего дня совершенно очевидно, что переворот был направлен не только против Горбачева и наиболее продвинувшихся по пути независимости советских республик, таких как республики Прибалтики и Грузия, но и (или даже главным образом) против Бориса Ельцина и руководства Российской Федерации.

Неудачная попытка августовского переворота ускорила процесс политической и экономической дезинтеграции. Последняя союзная администрация — Межреспубликанский экономический комитет (МЭК), возглавлявшийся Иваном Силаевым, — играл скорее роль ликвидационной комиссии, нежели настоящего правительства. Энергичная попытка разработать и заключить с союзными республиками новый договор об экономическом союзе была предпринята вице-председателем МЭК Григорием Явлинским, но она закончилась безуспешно. Концепция договора была смоделирована по идее Европейского Союза и включала союз в денежной и банковской областях [см. точку зрения Navtylyshyn and Williamson, 1991]. Договор был подписан в Ново-Огарево в октябре 1991 г. десятью республиками, но так и не был реализован, поскольку достичь соглашения о договоре о политическом союзе не удалось. Договор об экономическом союзе стал первым в весьма длинном перечне соглашений об интеграции, подписанных в течение последующих трех лет между бывшими советскими республиками. Эти соглашения отражали лишь политические декларации и множество экономических иллюзий, но никогда — реальную готовность вернуться к какому-то подобию политического союза, что является необходимой предпосылкой введения общей валюты.

Реальное развитие событий шло в совершенно противоположном направлении. После августа 1991 г. Госбанк СССР определенно утратил контроль над денежной политикой в России и государствах Балтии, независимость которых была признана Россией и Советским Союзом. Большинство других республик предпочло более пассивный подход, ожидая окончательного исхода этого конфликта.

Референдум на Украине, прошедший 1 декабря 1991 г., провозгласил окончательно независимость этой страны¹¹ и привел к беловежским соглашениям о роспуске СССР и образовании Содружества независимых государств (СНГ). В середине декабря президентом Ельциным было принято решение о ликвидации Госбанка СССР. Рублевая зона вступила в новую стадию своего существования, когда одна общая валюта управлялась пятнадцатью центральными банками, каждый из которых был независим от остальных.

4. Второй этап денежной дезинтеграции — после распада СССР (1992-1993 гг.)

С начала 1992 г. все бывшие советские республики стали независимыми государствами со своими собственными центральными банками. Вместе с тем, все эти страны (включая государства Балтии) использовали в начальный период своего независимого развития старый советский рубль. В силу причин, обсуждавшихся выше, такая ситуация не могла сохраняться долго и должна была эволюционировать. Учитывая всеобщее нежелание восстанавливать политический союз, единственно возможным ре-

¹¹ Первоначально декларация о независимости Украины была принята Верховным Советом этой республики 25 августа 1991 г.

результатом в монетарной сфере мог быть только развал общей валютной зоны. Это должно было рано или поздно произойти. В действительности, однако, этот процесс занял почти два года. Не вдаваясь в подробности¹², мы можем выделить четыре этапа данного процесса.

Первый этап охватывает функционирование валютного союза в первой половине 1992 г., когда 15 национальных банков независимо друг от друга выступали в роли центральных банков, используя свое положение для того, чтобы «пожиться за чужой счет»¹³, стремясь превзойти друг друга в эмиссии денег в форме кредитов. Особенно активно на этом фронте выступал Национальный банк Украины; он стал первым центральным банком в бывшем СССР, который ввел (в июне 1992 г.) практику так называемого взаимозачета, то есть многостороннего клиринга задолженности между предприятиями с помощью предоставления дополнительных кредитов. Хотя Россия и стала монополистом в выпуске рублевой наличности, некоторые другие республики бывшего СССР приступили к введению параллельных валют для наличного обращения (купонов), обходя тем самым ограничения, налагавшиеся Россией, и «защищая» свои внутренние потребительские рынки (где сохранялся дефицит) от покупателей из других республик. Так обстояло дело, например, на Украине, в Литве, Латвии и в Азербайджане.

Экспансионистская монетарная политика, проводившаяся рядом постсоветских государств (в некоторых случаях еще более экспансионистская, нежели в России), в сочетании с традиционным структурным дисбалансом в пользу России в межреспубликанской торговле (в прошлом финансировавшегося за счет перераспределения огромных сумм из бюджета СССР) привели в 1992 и первой половине 1993 г. к гигантскому по масштабам «импорту» денег в кредитной форме в Россию (см. раздел 6).

Второй этап начался со введения ЦБРФ в начале июля 1992 г. требования о ежедневных двусторонних взаимных зачетах платежей между Россией и другими постсоветскими государствами — по-прежнему с использованием рубля. Платежи, производившиеся Россией этими государствами, реализовывались только в объеме средств, находящихся на корреспондентском счету данного центрального банка в ЦБРФ на данный день. На практике этот шаг означал конец рубля как единой валюты для безналичных расчетов и создание национальных безналичных рублей. В действительности, однако, этот важнейший поворотный пункт в развитии денежной системы «смягчался» (вплоть до весны 1993 г.) обильным предоставлением так называемых технических кредитов государствам СНГ Центробанком РФ и российским правительством. Это означало продолжение импорта инфляции из других постсоветских государств (в основном Казахстана, Узбекистана и Беларуси). В наличном обороте рубль продолжал играть роль общей валюты, хотя из-за ограничения поставок рублевой наличности из России расширилось использование денежных субституттов (купонов).

¹² Подробное описание этого процесса можно найти, например, в работах Домбровского и др. [Dombrowski et al., 1993], Хернандез-Ката [Hernandez-Cata, 1993], Домбровского [Dombrowski, 1995], Гранвилл и Лушина [Granville and Lushin, 1993] и МВФ [IMF, 1994].

¹³ Описанная выше система привела к общей анархии в монетарной политике. Можно согласиться с Джеффри Саксом и Дэвидом Липтоном, что «...не существует реальной возможности осуществлять контроль за кредитами в системе, где действует несколько независимых центральных банков, каждый из которых имеет независимое право предоставлять кредиты. Причина этого проста. В каждой из стран действует огромное давление в пользу того, чтобы «прокатиться за чужой счет», выдавая рублевые кредиты за счет остальных участников системы» [Sachs and Lipton, 1992]. Последствия подобных действий сходны с подделкой денежных знаков, а, возможно, даже более серьезны, поскольку с технической точки зрения гораздо проще выпускать кредитные деньги по сравнению с наличными.

Это, в свою очередь, стало результатом увеличения (в первой половине 1993 г.) платежей за импорт из России с использованием рублевой наличности в условиях существовавших лимитов на предоставление технических кредитов.

На **третьем этапе** отдельные постсоветские государства полностью вышли из рублевой зоны после введения собственных национальных валют. Этот процесс начался в конце июня 1992 г. в Эстонии; летом и осенью 1992 г. за ней последовали Латвия, Литва и Украина, а в мае 1993 г. — Кыргызстан.

На **четвертом этапе** произошел окончательный распад рублевой зоны, который начался с обмена банкнот ЦБРФ на российской территории в конце июля 1993 г. После нескольких месяцев политического торга по поводу идеи о создании «рублевой зоны нового вида» (см. Granville and Lushin [1993] и раздел 5 настоящей работы) все остальные постсоветские государства ввели свои национальные валюты. Это произошло в период с сентября по ноябрь 1993 г. Исключением стал лишь Таджикистан, который ввел собственную валюту лишь в мае 1995 г.

В табл. 1 представлен перечень новых национальных валют и даты их введения.

Если взглянуть на мотивы, стоящие за решением каждого отдельного государства выйти из рублевой зоны, то выяснится, что для всех стран СНГ они были различными. Некоторые из них (страны Балтии, Украина) приняли решение о введении собственных валют главным образом по политическим причинам: они стремились добиться суверенитета, помимо прочего, и в сфере денежной политики. Однако экономические аргументы также играли немаловажную роль. Российская монетарная политика в 1992-1993 гг. была слишком инфляционной для государств Балтии, которые хотели стабилизировать свою экономику очень быстро (особенно Эстония и Латвия). По-видимому, тот же аргумент сыграл роль и в Кыргызстане. В отличие от них, для Украины и Беларуси российская монетарная политика представлялась чрезмерно рестриктивной — они хотели выпустить даже больше денег, чем можно было ожидать от ЦБРФ. Последняя же группа, которая покинула рублевую зону осенью 1993 г. (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Молдова, Армения и Грузия), была просто вытолкнута из этой зоны в результате операции по обмену рублевых банкнот, проведенной ЦБРФ в июле 1993 г.¹⁴

5. Неудачные попытки восстановить рублевую зону (1992-1994 гг.)

С самого начала процесса постепенной дезинтеграции рублевой зоны постоянно предпринимались усилия по ее сохранению, а впоследствии, после ее частичного распада в 1992 г., — по ее восстановлению.

История усилий, предпринимавшихся с целью сохранения или реанимации рублевой зоны, содержит целый ряд соглашений, подписанных на встречах в верхах руководителей стран СНГ; в целом они не отличались особой конкретностью и не со-

¹⁴ Цель этой операции, однако, не была вполне ясна, а ее авторы никогда о ней открыто не заявляли. Поведение ЦБРФ также было не слишком последовательным, как свидетельствует почти немедленный перевод 50 миллиардов рублей новыми банкнотами в Узбекистан. Поэтому не следует исключать и другой интерпретации, а именно что по сути дела руководство ЦБРФ хотело поставить другие страны СНГ на колени с тем, чтобы вынудить их вновь присоединиться к рублевой зоне на условиях, установленных ЦБРФ. Если это действительно так, то эта цель достигнута не была. Однако независимо от мотивов, лежавших в основе решения ЦБРФ, операция по обмену банкнот имела немало косвенных негативных последствий для денежной системы самой России.

держали каких-либо эффективных механизмов для имплементации. Тем временем, реальный ход событий развивался в совершенно противоположном направлении, а именно по пути постепенной дезинтеграции. Поэтому ни одно из соглашений в денежной или банковской сфере никогда не было реализовано на практике.

В хронологическом порядке первым документом подобного рода стало «Соглашение о единой денежной системе и о согласованной кредитно-денежной и валютной политике государств, использующих рубль в качестве официального средства платежа», подписанное 9 октября 1992 г. во время встречи руководителей стран СНГ в столице Кыргызстана Бишкеке восемью государствами (Арменией, Беларусью, Казахстаном, Кыргызстаном, Молдовой, Россией, Таджикистаном и Узбекистаном) [см. Гуревич, 1992]¹⁵. В соглашении, помимо прочего, содержался призыв к сохранению рубля в качестве общего официального средства платежа (хотя в то же время оно допускало продолжение использования денежных суррогатов и возможность введения в будущем собственных валют странами, подписавшими соглашение). Кроме того, в соглашении не были точно определены механизмы принятия решений, которые позволили бы эффективно осуществлять общую денежную и фискальную политику.

В Бишкеке было также принято решение о создании Межгосударственного банка, «первоочередной задачей» которого должно было стать «осуществление взаимных межгосударственных платежей». Оставалось, правда, совершенно неясным, должен ли этот банк стать центральным эмиссионным банком для рублевой зоны или выполнять только функции многосторонних клиринговых расчетов; не вполне ясно было также, какими должны были быть отношения этого банка с республиканскими. Предметом разногласий между странами, подписавшими Бишкекское соглашение, стал внутренний механизм принятия решений в банке. Россия предпочитала систему квот, смоделированную по образцу МВФ, что, вполне очевидно, закрепило бы за ней право решающего голоса. Другие участники соглашения предпочитали принцип «одна страна — один голос», что, в свою очередь было неприемлемым для России.

Последняя проблема (характер Межгосударственного банка и методы управления им) стала предметом трехмесячных переговоров с участием как политиков, так и экспертов. Наконец, на следующем совещании руководителей стран СНГ в Минске в январе 1993 г. было решено, что Межгосударственный банк будет организацией, осуществляющей многосторонние клиринговые расчеты на базе российского рубля. Россия получила 50 процентов голосов в правлении банка; для принятия большинства решений, однако, требовалось 75 процентов голосов [см. Жагель, 1993; Сенинский, 1993; СНГ, 1993].

На практике Межгосударственный банк, несмотря на неоднократные политические заявления о необходимости его создания, так никогда и не был организован. Так, например, на встрече в верхах стран СНГ в Москве 14 мая 1993 г. был подписан новый документ — Договор об экономическом союзе [см. Козаржевский, 1994]. В нем подтверждались ранее достигнутое соглашение об организации Межгосударственного банка и намерение сохранить общую валюту (рубль).

На основе этого соглашения были начаты переговоры о формировании «рублевой зоны нового типа» (РЗНТ), хотя никто так и не определил, чем РЗНТ должна была отличаться от «старой» зоны. «Мобилизующим» фактором, несомненно, стал июльский обмен рублевых банкнот, который в странах, использовавших старые банкноты, вызвал массовое бегство от рубля. Следующее соглашение относительно РЗНТ, подписанное 7 сентября 1993 г. Россией, Казахстаном, Узбекистаном, Таджи-

¹⁵ На состоявшейся ранее, весной 1992 г., встрече руководителей центральных банков стран СНГ в Ташкенте (Узбекистан) не было принято каких-либо конкретных решений.

кистаном, Беларусью и Арменией, содержало договоренность о координации национальных валютных, фискальных, банковских и валютных правил (соглашение о поддержании стабильных обменных курсов национальных валют по отношению к рублю). В число показателей, которые должны были устанавливаться Россией, входили: объем денежной массы, консолидированный дефицит госбюджета, ставка рефинансирования по кредитам центрального банка и минимальные резервные требования.

Данным соглашением открывалась серия двусторонних переговоров между Россией и отдельными государствами СНГ. Следующим шагом должно было стать подписание стандартных двусторонних соглашений между Россией и вышеупомянутыми государствами. Соглашениями устанавливалось, что по окончании периода перехода к РЗНТ рубль должен был стать единственным официальным средством платежа в государствах-участниках. Эти страны также достигли соглашения о едином обменном курсе рубля по отношению к конвертируемым валютам и о создании общих международных резервов с целью поддержания курса рубля. Датой, намеченной для завершения переходного периода (завершения разработки соответствующих правовых норм и координации с Россией денежной и фискальной политики), был выбран конец 1994 г. Однако и это соглашение так и осталось нереализованным. Несмотря на подписание осенью 1993 г. двусторонних рамочных соглашений между странами-участницами соглашения о РЗНТ, эти государства оказались вынуждены в октябре-ноябре 1993 г. ввести национальные денежные единицы — как в наличном, так и в безналичном обороте. К этому их подтолкнули бегство собственного населения от старых советских рублей, технический дефицит наличности, а также твердая позиция российского правительства (контролируемого в тот период сторонниками радикальных реформ) по вопросу об условиях реализации валютного союза. Эти условия привели бы к полной утрате этими государствами суверенитета в сфере макроэкономической политики и банковской системы и к принятию ими жестких обязательств по поддержанию внутренней финансовой дисциплины.

Последней серьезной попыткой восстановить, по крайней мере частично, рублевую зону стало «Соглашение об объединении денежных систем Республики Беларусь и Российской Федерации и об условиях функционирования общей денежной системы» от 12 апреля 1994 г. Беларусь попыталась использовать политические перемены, произошедшие в Москве в начале 1994 г. (уход Егора Гайдара и Бориса Федорова из правительства), для реализации идей РЗНТ.

В подписанном документе содержались обязательства по осуществлению ряда далеко идущих мер по гармонизации экономических систем двух государств. Наиболее важными из них были следующие:

1) с 1 мая 1994 г. Беларусь обязалась привести все таможенные налоги и сборы, затрагивающие внешнеторговые операции, в соответствие с таковыми, действовавшими в России на 1 апреля 1994 г.; во взаимной торговле ликвидировались тарифные ограничения, а с момента вступления в силу денежного союза должны были быть отменены также все квоты и лицензии в торговле между двумя странами;

2) Беларусь обязывалась прекратить взимание сборов и платы за транзит с российского экспорта и импорта, а также с транзита в Калининградскую область и из нее; российские стратегические силы, базирующиеся на территории Беларуси, освобождались от обязательств по уплате налогов и сборов белорусским властям;

3) общей денежной единицей должен был стать российский рубль, а ЦБРФ брал на себя функции центрального банка в пределах союза; Национальный Банк Беларуси (НББ) должен был исполнять роль отделения ЦБРФ, а представители НББ включались в состав Совета директоров ЦБРФ;

4) с момента вступления соглашения в силу гражданам Беларуси предоставлялось право обменять 200 тысяч белорусских рублей наличными и до 1 миллиона белорусских рублей в форме банковских депозитов и сберегательных сертификатов (по состоянию на 1 апреля 1994 г.) на российские рубли в соотношении 1:1 (рыночный курс весной 1994 г. составлял примерно 10:1); предел суммы, разрешенной к обмену, подлежал индексации в зависимости от уровня инфляции в России (рассчитываемого по индексу потребительских цен) за период с 12 апреля 1994 г. по момент обмена; остальная часть средств частных лиц и предприятий подлежала обмену по специальному курсу, отражающему как паритет покупательной способности обеих валют, так и рыночный обменный курс, и согласованному между властями двух государств;

5) Россия должна была предоставить Беларуси государственный кредит в объеме 200 млрд. российских рублей с целью поддержки платежного баланса;

6) обе страны обязались жестко гармонизировать свои бюджетные системы; на практике это означало, что белорусский бюджет принимался бы правительством Российской Федерации и российской Государственной Думой;

7) в течение трех месяцев после объединения валютных систем Беларусь обязалась принять российскую систему оплаты труда в бюджетной сфере, а социальная политика и политика в области занятости должны были стать предметом взаимной координации.

Вне всякого сомнения, российско-белорусское соглашение стало наиболее конкретным документом из всех, подписанных с целью возврата к использованию общей валюты по крайней мере на части территории бывшего СССР. Однако и оно так и не было ратифицировано и реализовано на практике. Беларусь не хотела поступаться независимостью своего центрального банка, что было бы нарушением белорусской конституции. После президентских выборов летом 1993 г. новый президент Беларуси Александр Лукашенко принял решение отказаться де факто от этого соглашения. Реализованы были лишь две первые его статьи, касавшиеся таможенного союза и вопросов транзита.

Анализируя достаточно долгую историю безуспешных попыток восстановить, по крайней мере отчасти, рублевую зону, можно задаться вопросом, какого рода мотивы и аргументы стояли за такими попытками.

Для некоторых лидеров стран СНГ (помимо России), которые вплоть до самого конца боролись за сохранение рублевой зоны, такие мотивы являются совершенно очевидными. Эти лидеры представляли страны, которые в прошлом получали огромные выгоды от российской финансовой помощи. Они полагали, что, оставаясь в рублевой зоне, они смогут сохранить межреспубликанские экономические отношения, существовавшие в период, предшествовавший распаду СССР: крупное фискальное или квази-фискальное перераспределение средств, неограниченные поставки дешевой энергии и сырья, легкодоступный рынок для их низкокачественных промышленных изделий (или военного оборудования). Все эти ожидания были нереалистичными.

С российской стороны основными сторонниками сохранения рублевой зоны, а в последующем — и ее восстановления, выступали консервативные и умеренно консервативные силы, заинтересованные, по меньшей мере отчасти, в реконструкции бывшей империи и не осознававшие сопряженного с этим для России объема финансовых затрат [см. Козаржевский, 1994]. Среди высших государственных функционеров к числу сторонников рублевой зоны в 1992-1993 гг. относились президент ЦБРФ Виктор

Герашенко и премьер-министр Виктор Черномырдин¹⁶. В число ее противников входили почти все политики и экономисты, принадлежавшие к лагерю реформаторов, как например Егор Гайдар, Борис Федоров, Анатолий Чубайс, Александр Шохин и Владимир Машиц (возглавлявший Государственный комитет по экономическому сотрудничеству со странами СНГ), которые хорошо представляли себе, какой экономический ущерб нанесло бы России сохранение единой валюты.

Помимо чисто экономических ожиданий, немаловажную роль сыграли также и политические мотивы. Это было абсолютно очевидно в том, что касалось двух наиболее активных сторонников восстановления рублевой зоны — президента Казахстана Нурсултана Назарбаева и премьер-министра Беларуси Вячеслава Кебича. Назарбаев опасался конфликта между представителями коренной национальности и русского (точнее, славянского) населения в случае полного экономического разделения Казахстана и России. Кебич же стремился победить на президентских выборах в июне 1994 г., выдвигая перед избирателями перспективу достижения российского уровня жизни (который в тот период был выше, чем в Беларуси) посредством повторного введения в обращение российского рубля. Кроме того, он рассматривал денежный союз в качестве субститута радикальных рыночных реформ и необходимых макроэкономических корректив [см. Домбровски, 1994].

Российскими сторонниками рублевой зоны наиболее часто используются такие аргументы, как проблема русскоязычного населения в странах «ближнего зарубежья», а также связи между российскими предприятиями и предприятиями в других странах СНГ (что обуславливает лоббирование ими сохранения легкодоступных рынков).

Наконец, следует упомянуть и о том немаловажном моменте, что сторонники быстрого введения отдельных национальных валют никогда не получали однозначной поддержки от правительств стран Запада и МВФ, по крайней мере в первый год, последовавший за распадом СССР. Особенно неопределенным был подход к этому вопросу МВФ. Во время ташкентской встречи управляющих центральных банков стран СНГ весной 1992 г. представитель МВФ не рекомендовал вводить национальные валюты, а выступил за более тесную координацию макроэкономической политики между странами рублевой зоны (что было нереально с политической точки зрения). Эстония ввела собственную валюту в июне 1992 г., сначала без содействия со стороны МВФ. Литва откладывала свою денежную реформу до июня 1993 г., не получив ранее от МВФ необходимой поддержки для ее проведения. Это стоило данной стране годичного отставания в достижении макроэкономической стабилизации по сравнению с другими странами Балтии. Лишь в 1993 г. МВФ начал реально поддерживать введение национальных валют в странах бывшего СССР (первой из таких стран в мае 1993 г. стал Кыргызстан).

6. Экономические последствия сохранения рублевой зоны

Существование временного разрыва между дезинтеграцией политической системы и отказом от использования общей валюты в бывшем СССР оказало исключительно неблагоприятное воздействие на темпы и качество макроэкономической стабилизации и системных реформ в республиках бывшего СССР и особенно в Российской Федерации.

¹⁶ К самому концу переговоров с Беларусью весной 1994 г. Черномырдин начал относиться к идее двустороннего валютного союза с меньшим энтузиазмом. По-видимому, он наконец понял, с какими затратами для России сопряжена эта операция.

Существование такого разрыва породило огромный по своим масштабам переток российского ВВП в другие постсоветские государства, осуществлявшийся в 1992-1993 гг. **Первой** формой такого перераспределения стало исключительно легкое (в первой половине 1992 г.) финансирование импорта из России, которое постепенно затруднялось до тех пор, пока наконец практически не было сведено к нулю во второй половине 1993 г. **Вторую** форму такого перераспределения составляли искусственно заниженные экспортные цены на российские сырье и энергоресурсы. Это были либо внутренние российские цены, либо цены, более высокие по сравнению с внутренними, но более низкие по сравнению с мировым уровнем [см. Антчак, 1994]. Наконец, **третьей** формой косвенной финансовой поддержки некоторых государств СНГ являлась терпимость по отношению к огромным задолженностям по платежам со стороны этих покупателей российским поставщикам. В оставшейся части нашего анализа мы сосредоточим внимание преимущественно на первой форме перераспределения.

Денежная система в том виде, в каком она функционировала в первой половине 1992 г., создала, в силу очевидных обстоятельств, весьма благоприятные возможности для импорта российских товаров странами СНГ. Российские экспортеры также извлекали выгоду из этой ситуации. Бурный рост взаимной задолженности среди российских предприятий сделал экспорт в страны бывшего СССР особенно привлекательным. Со своей стороны, импортеры российских товаров получили легкий доступ к дешевым кредитам, предоставлявшимся различными центральными банками. Если добавить к этому очевидные политические мотивы (стремление сохранить российское влияние и присутствие в ряде государств), то мы получим почти полную картину факторов, объясняющих тот факт, почему эта система была сохранена, несмотря на весьма негативные последствия для российской экономики.

Следует упомянуть, что в течение первых месяцев российской трансформации (т.е. в конце 1991 – начале 1992 гг.) угроза, связанная с сохранением такого типа денежной системы, не была особенно заметной ни для российских реформаторов, ни для МВФ или ряда зарубежных экспертов. Она стала очевидной лишь в конце 1992 г.¹⁷

Система ежедневного мониторинга корреспондентских счетов центральных банков стран СНГ, организованная ЦБРФ 1 июля 1992 г., позволила осуществлять контроль за остатками на счетах по двусторонним расчетам и за наложением кредитных ограничений. Закупки товаров в России приводили к возникновению задолженности на корреспондентских счетах, и экспорт в Россию призван был их сбалансировать. Объем кредитов, предоставлявшихся Россией странам бывшего СССР (так называемых технических кредитов ЦБРФ другим центральным банкам), должен был регулироваться межправительственными соглашениями. Превышение допустимых объемов кредитования приводило к тому, что ЦБРФ в дальнейшем отказывался от финансирования российского экспорта в страну, превысившую свой лимит. Наличие активного сальдо торгового баланса одной из стран с Россией не означало, что это сальдо могло использоваться для финансирования торговли с каким-либо третьим государством. Таким образом, корреспондентские счета были строго двусторонними. Однако, несмотря на жесткие институциональные ограничения (по сравнению с положением, существовавшим ранее), все эти правила оказались крайне неэффективны из-за расширения ЦБРФ практики предоставления технических кредитов и допущения им задолженности по корреспондентским счетам во второй половине 1992 и первой половине 1993 г. По данным Гранвилл и Лушина [Granville and Lushin, 1993], общая сумма таких кредитов за весь 1992 г. составила 1258 млн. рублей, т.е. 8,4% от российского ВВП (см.

¹⁷ Одним из первых предупреждений российскому правительству по этому поводу стала записка Джеффри Сакса и Дэвида Липтона от 1 мая 1992 г. [Sachs and Lipton, 1992].

табл. 2), или 1489 млн. рублей (8,2% ВВП) в соответствии с более поздними оценками [ИЭА, 1995, с. 210-211]. В 1993 г. общий объем кредитов, предоставленных ЦБРФ странам бывшего СССР, составил 4852 млн. рублей, или 3,0% ВВП [ИЭА, 1995, с. 210-211]. Большая часть из них, однако, была предоставлена в первой половине 1993 г.¹⁸

В конце 1992 — начале 1993 г. страны СНГ, стремясь избежать дефицита кредитных рублей, начали использовать в своей торговле с Россией наличные рубли. Рост поставок наличности из ЦБРФ в этот период стал основным источником перераспределения финансовых средств между Россией и странами СНГ (см. табл. 2 и 3).

Из-за того, что шансы на возврат кредитов практически отсутствовали, российское правительство и Верховный Совет в середине 1993 г. приняли решение о приостановлении дальнейшего подобного кредитования и о преобразовании кредитов, выданных в 1992-1993 гг., в официальную государственную задолженность стран СНГ России.

Как уже отмечалось выше, в конце ноября 1993 г. все страны бывшего СССР, за исключением Таджикистана, ввели свои собственные валюты. Прямые переводы средств в страны СНГ были резко ограничены, а «денежный» канал для таких переводов был перекрыт. В 1994 г. сумма кредитов, выданных ЦБРФ странам бывшего СССР, практически равнялась нулю [ИЭА, 1995, с. 210-211].

В период 1992-1993 гг. кредитование стран бывшего СССР стало важным источником монетарной экспансии ЦБРФ (см. табл. 4). На денежное финансирование подобного рода приходилось 22,3% прироста кредитов, выданных ЦБРФ в 1992 г., и 21,6% — в 1993 г. Следует напомнить, что кредитная экспансия Центробанка превышала в этот период (особенно в 1992 г.) любые международные стандарты.

Для отдельных государств СНГ в 1992 и первой половине 1993 г. переводы финансовых средств от ЦБРФ составляли существенную часть их ВВП (см. табл. 5). Так, для Узбекистана они составили 69,2 процента ВВП страны в 1992 г. и 52,8 процента — за первые семь месяцев 1993 г. Для Казахстана такие переводы составили 25,1 процента и 40,9 процента ВВП соответственно, для Туркменистана — 67,1 процента и 45,7 процента, для Таджикистана — 42,3 процента и 40,9 процента, для Армении — 53,2 процента и 19,7 процента [Илларионов, 1993]. Более того, данные расчеты не учитывают скрытого перераспределения средств за счет искусственного занижения цен на российское сырье (и особенно на энергоресурсы). С другой стороны, имеются серьезные сомнения в точности оценок ВВП в различных странах. Представляется, что во многих случаях они существенно занижены. Свою роль играют также различия в покупательной способности российского рубля в отдельных постсоветских странах и в самой России. Поэтому данные, представленные в табл. 4, следует рассматривать лишь как грубые оценки, а не как точное отражение ситуации.

Хотя негативные макроэкономические последствия сохранения рублевой зоны были совершенно очевидными для России, они менее известны для других стран бывшего СССР. Тем не менее, они, без сомнения, существовали. **Во-первых**, среда, воспроизводящая высокую инфляцию, сформированная сохранившимся денежным союзом, не позволяла бывшим союзным республикам стабилизировать свою экономику. Не случайно прогресс в борьбе с высокой инфляцией был достигнут во многих странах бывшего СССР лишь тогда, когда они вышли из рублевой зоны. Это относится к странам Балтии, Кыргызстану, Молдове, а в последнее время — к Казахстану, Армении и Грузии. Ни одна страна не смогла достигнуть стабилизации, оставаясь в

¹⁸ По оценкам Института экономического анализа [ИЭА, 1995, с. 222-223], за четыре месяца с декабря 1992 г. по март 1993 г. они составили 9,5% российского ВВП, с апреля по август 1993 г. — 3,2% ВВП и за последние четыре месяца 1993 г. — лишь 1,5% ВВП.

рублевой зоне! **Во-вторых**, в условиях сохранения рублевой зоны макроэкономическая стабилизация была бы невозможна также из-за того, что экономические субъекты и население относились бы к такому денежному режиму лишь как ко временному. Неопределенность понижала склонность к хранению сбережений в рублях (спрос на рубли). **В-третьих**, доступность практически неограниченных переводов финансовых средств из России, связанная с существованием общей валюты, замедляла процесс структурных преобразований и институциональных рыночных реформ в нероссийских государствах.

Существует весьма очевидная связь между состоянием экономики и готовностью политических деятелей проводить социально болезненные и политически рискованные реформы. Если политики видят возможность выжить без проведения фундаментальных реформ, то они обычно стремятся избежать таких мер или отложить их на будущее. Готовность начать радикальные изменения появляется лишь тогда, когда нет никакого иного выхода. Это — неприятный, но объективный факт политической экономики периода трансформации.

С этой точки зрения сохранение рублевой зоны после политического распада СССР и, что еще более важно, поддержание иллюзий относительно возможности возврата к общей валюте привели к задержке процесса трансформации в большинстве государств бывшего СССР и сделали этот процесс более болезненным в экономическом и социальном плане.

7. Заключение

История распада рублевой зоны представляет собой весьма ценный эмпирический урок как для теории экономики, так и для экономической политики. В ней ярко проявилась роль политического консенсуса и институционализированного политического союза как основных предпосылок для существования общей валюты. Если эти условия отсутствуют, то нет смысла и вводить общую валюту, даже если данная территория соответствует экономическим критериям оптимальной валютной зоны. Следует повторить, однако, что бывший СССР вряд ли можно было рассматривать в качестве оптимальной валютной зоны.

К сожалению, в конце 1991 г., когда произошел политический распад Советского Союза, политики и экономисты в государствах-преемниках СССР не смогли поставить правильного диагноза в отношении будущей денежной системы¹⁹. Они также не получили от Запада, и особенно от МВФ, достаточной интеллектуальной поддержки для решения этой проблемы.

Представляется, однако, что ложный диагноз не был следствием профессиональной ошибки, особенно в том, что касалось международных финансовых организаций, таких как МВФ. Он скорее отразил политическую неразбериху, возникшую после внезапного распада СССР, которого никто не ожидал столь быстро. Правительства стран Запада, как правило, не были готовы вести дело с пятнадцатью совершенно независимыми постсоветскими государствами и, вероятно, не верили, что некоторые из

¹⁹ Если мы обратимся к двум другим случаям дезинтеграции государств в посткоммунистической части Европы, то мы увидим схожие проблемы в бывшей Югославии, где новые национальные валюты были введены в государствах-преемниках с некоторой задержкой после действительного политического распада югославской федерации. В отличие от Югославии, Чешская республика и Словакия осуществили разделение своих валют всего лишь через месяц после распада Чехо-Словацкой федерации, что позволило обеим странам избежать макроэкономических осложнений.

них окажутся в состоянии решить свои проблемы самостоятельно, без какого-либо протектората со стороны России. Они также опасались хаотичной фрагментации советской империи, которая могла бы привести к кровавым национальным конфликтам и к ослаблению контроля над ядерным оружием²⁰. Некоторые из западных политиков не поддерживали идеи слишком раннего распада СССР, поскольку не хотели спровоцировать контрреакцию со стороны сторонников жесткой линии в коммунистическом руководстве страны. В более же поздний период как внутри бывшего СССР, так и за его пределами отсутствовало ясное представление о будущем характере СНГ.

Правительства стран Запада были также озабочены проблемой преемственности своих финансовых претензий к бывшему СССР, и это стало дополнительной причиной для поддержки ими сохранения денежного и экономического союза на территории бывшего СССР [см. Домбровски и Ростовски, 1995].

Некоторые из экономистов на Западе и в бывшем СССР, по-видимому, переоценивали негативные последствия распада денежного союза. Они полагали, что сохранение общей валюты позволит избежать торгового шока, что не было верным диагнозом проблемы. Значительная часть существовавших ранее торговых связей распалась бы в любом случае, независимо от того, сохранилась бы рублевая зона или нет (подобно тому, как это произошло в России). Единственный реальный ущерб, сопряженный с отказом от общей валюты, был связан с ростом транзакционных издержек. Однако его следует сопоставить с затратами на сохранение неустойчивых монетарных режимов, которые оказались бы значительно выше.

Продление процесса распада рублевой зоны нанесло существенный ущерб всем государствам — преемникам СССР: в России закончились неудачей две попытки провести макроэкономическую стабилизацию (в 1992 и 1993 гг.), а в некоторых других странах бывшего СССР это затормозило начало реальных реформ на два года или даже на больший срок.

²⁰ Гражданская война в Югославии, начавшаяся в середине 1991 г., и карабахский конфликт между Арменией и Азербайджаном, по-видимому, рассматривались многими западными политическими деятелями как предупреждение о том, что может произойти после стихийного распада бывшего СССР. Другой вопрос состоит в том, смогли ли они извлечь правильные уроки из югославского опыта. Оглядываясь назад с точки зрения сегодняшнего дня, кажется совершенно очевидным, что оказание США поддержки югославской федерации до самого конца (т.е. до лета 1991 г.) было серьезной ошибкой, укрепившей, по сути дела, имперские амбиции Сербии.

Литература

Антчак Р. (1994): *Внешняя торговля. — Второй год экономических реформ в России. Уроки для Польши и Восточной Европы*, под ред. М. Домбровского и П. Козаржевского, Варшава, CASE — Центр социально-экономических исследований и Фонд им. Фридриха Эберта, 1994.

Гуревич В. (1992): *Изгнание из рубля*, «Московские Новости», 1992, № 42.

Домбровский М., Антчак Р. (1994): *Дезинтеграция рублевой зоны и попытки ее восстановления. — Второй год экономических реформ в России. Уроки для Польши и Восточной Европы*, под ред. М. Домбровского и П. Козаржевского, Варшава, CASE — Центр социально-экономических исследований и Фонд им. Фридриха Эберта, 1994.

Домбровский М., Ростовски Я. *Что не получилось? Причины провала стабилизации в России в 1992 г.* — «Исследования и анализы», Варшава, CASE — Центр социально-экономических исследований, июнь 1995, № 44.

Домбровский М. (1991): *Стабилизация и либерализация российской экономики. Скорость и секвенция нужных шагов*, 15 ноября, неопубликованная записка.

Домбровский М. (1994): *Белорусская номенклатура видит в российском рубле спасительный круг*, «Известия», № 37, 25 февраля 1994 г.

Жагель И. (1993): *Рублевого пространства уже нет, а есть рублевая зона*, «Известия», № 14, 26 января 1993 г.

Илларионов А. (1993): *Сколько стоит дружба? Как Центробанк финансирует бывшие республики Союза*, «Известия», № 176, 16 сентября 1993 г.

ИЭА (1995): *Финансовая стабилизация в России*, Москва, Институт экономического анализа, 1995.

Козаржевский П. (1994): *Политические и экономические отношения России с другими постсоветскими государствами. — Второй год экономических реформ в России. Уроки для Польши и Восточной Европы*, под ред. М. Домбровского и П. Козаржевского, Варшава, CASE — Центр социально-экономических исследований и Фонд им. Фридриха Эберта, 1994.

Матыцин С. (1994): *Финансовый рынок России. — Второй год экономических реформ в России. Уроки для Польши и Восточной Европы*, под ред. М. Домбровского и П. Козаржевского, Варшава, CASE — Центр социально-экономических исследований и Фонд им. Фридриха Эберта, 1994.

Самонис В. (1995): *Трансформация литовской экономики: от Москвы к Вильнюсу и от плана к рынку.* — «Исследования и анализы», Варшава, CASE — Центр социально-экономических исследований, сентябрь 1995, № 42.

Сенинский С. (1993): *Рубль Центрального банка России станет ЭКЮ СНГ*, «Московские новости», 1993, № 5.

СНГ (1993): *СНГ после Минска: что будет с экономикой?*, «Коммерсант», 1993, № 3.

Dąbrowski, Marek (1989): *Koncepcja autonomii gospodarczej Estonii (Концепция экономической автономии Эстонии)*, „Wektory”, nr 2-3.

- Dąbrowski, Marek (1995): *From Soviet Ruble To National Rubles And Independent Currencies: The Evolution of the Ruble Area in 1991-1993*, in: Dallago, Bruno and Giovanni Pegoretti (eds.): *Integration and Disintegration in European Economies*, Dartmouth, pp. 203-224.
- Dąbrowski, Marek et al. (1993): *The Gaidar Programme: Lessons for Poland and Eastern Europe*, Friedrich Ebert Foundation and the Center for Social and Economic Research CASE, Warsaw.
- Granville, Brigitte, and Andrei Lushin (1993): *The New Style Rouble Zone or the Old Soviet Union "Revisited"*, unpublished note, Moscow, MFU, October 15.
- Havrylyshyn Oleh, and John Williamson (1991): *From Soviet Disunion to Eastern Economic Community?*, "Policy Analyses in International Economics", No. 35, Institute for International Economics, Washington, DC, October.
- Hernandez-Cata, Ernesto (1993): *Introducing New Currencies in the Republics of the FSU: A Survey*, paper prepared for the CEPR Conference on *The Economies of New Currencies*, Frankfurt am Main, June 28-29.
- IMF (1994): *Financial Relations Among Countries of the Former Soviet Union*, "IMF Economic Reviews", No. 1, February.
- Johnson, Harry G. (ed.) (1968): *Economic nationalism in New and Old States*, London: Allen and Unwin.
- Lainela, Seija and Pekka Sutela (1995): *Escaping from the Ruble: Estonia and Latvia Compared*, in: Dallago, Bruno and Giovanni Pegoretti (eds.): *Integration and Disintegration in European Economies*, Dartmouth, pp. 225-246.
- McKinnon, Ronald I. (1963): *Optimum Currency Areas*, "The American Economic Review", Vol. 53, pp. 717-725
- Mundell, Robert (1961): *A Theory of Optimum Currency Areas*, "The American Economic Review", Vol. 51, pp. 657-665.
- Orlowski, Lucjan T. (1993): *Indirect Transfers in Trade Among Former Soviet Union Republics: Sources, Patterns and Policy Responses in the Post-Soviet Period*, "Europe-Asia Studies", Vol. 45, No. 6.
- Orlowski, Lucjan T. (1994): *The Disintegration of the Ruble Zone: Driving Forces and Proposals for Policy Change*, "Aussenwirtschaft", 49. Jahrgang, Heft I, Zürich, Rüegger, pp. 101-129.
- Sachs, Jeffrey and David Lipton (1992): *Remaining Steps to Achieve a Market-Based Monetary System*, unpublished memo, May 1.
- Selm, Gijsbertus van (1995): *Integration and Disintegration in Europe: the EC Versus the Former USSR*, in: Dallago, Bruno and Giovanni Pegoretti (eds.): *Integration and Disintegration in European Economies*, Dartmouth, pp. 93-111.
- Selm, Gijsbertus van and Hans-Jürgen Wagener (1993): *Former Soviet Republics' Economic Interdependence*, "Osteuropa Wirtschaft", 1, pp. 1-17.
- Selm, Gijsbertus van, and E. Dölle (1993): *Soviet Interrepublican Capital Transfers and the Republics' Level of Development 1966-91*, "MOST-MOCT", 1, pp. 133-149.

Таблицы

Таблица 1

Введение новых валют странами – бывшими республиками СССР

Страна	Дата полного отделения от рублевой зоны	Название валюты	Примечания
Эстония	06.22.1992 г.	крона	<i>Currency board</i> , с привязкой к немецкой марке
Латвия	07.20.1992 г.	лат	Вначале латвийский рубль (<i>рублис</i>), постепенно замещенный латом (с марта 1993 г.)
Литва	10.01.1992 г.	лит	Вначале — <i>талоны</i> , замененные в июне 1993 на <i>литы</i> ; <i>currency board</i> действует с апреля 1994 г., привязка к американскому доллару
Украина	11.11.1992 г.	карбованец	Введение новой валюты — <i>гривны</i> — обсуждается
Беларусь	ноябрь 1992 г.	белорусский рубль	Российский рубль после указанной даты также принимался; неудачная попытка введения валютного союза с Россией весной 1994 г.
Кыргызстан	05.15.1993 г.	сом	
Грузия	08.02.1993 г.	купон	
Туркменистан	11.01.1993 г.	манат	
Казахстан	11.15.1993 г.	тенге	
Узбекистан	11.16.1993 г.	сум	
Армения	11.22.1993 г.	драм	
Молдова	11.29.1993 г.	лей	
Азербайджан	12.11.1993 г.	манат	
Таджикистан	май 1995 г.	рубл	Бывшие советские рублёвые банкноты (образца до июля 1993 г.) и нынешние российские рубли продолжают действовать в качестве денежного средства

Источник: IMF [1994] — Приложение 3; данные автора

Таблица 2

Финансовые потоки из России в другие страны бывшего Советского Союза в 1992 г. (в млрд. рублей)

Страна	Технические кредиты		Наличные средства
	1992 г. всего	в % от ВВП	2-е полугодие 1992 г.
Украина	454,59	3,03	нет данных
Беларусь	86,68	0,58	10,54
Казахстан	289,06	1,93	101,19
Узбекистан	177,56	1,18	99,87
Таджикистан	28,27	0,19	7,30
Туркменистан	80,81	0,54	53,47
Кыргызстан	21,93	0,15	17,48
Молдова	13,70	0,09	13,17
Армения	24,22	0,16	11,42
Азербайджан	43,12	0,29	5,60
Грузия	33,04	0,22	32,46
Латвия	1,17	0,01	-
Литва	- 0,44	0,00	-
Эстония	3,66	0,02	-
Всего	1257,97	8,39	352,50

Источник: Granville and Lushin [1993]

Таблица 3

Финансовые потоки в страны СНГ

Период	Технические кредиты	Наличные переводы	Всего (2+3)	Отношение 3 : 4
1	2	3	4	5
1992 г.	1258,0	411,8	1669,8	24,7
в том числе:				
Первая половина	316,4	59,3	375,7	15,8
Вторая половина	941,6	352,5	1294,1	27,2
1993 г., первая половина	932,0	1260,4	2192,4	57,5
в том числе:				
Первый квартал	660,0	460,4	1120,0	41,1
Второй квартал	272,0	800,0	1072,0	74,6
Всего	2190,0	1672,2	3862,2	43,3

Источник: Granville and Lushin [1993]

Таблица 4

Кредиты ЦБРФ странам бывшего Советского Союза в сравнении с другими источниками монетарной экспансии в 1992-1993 гг. (в % к ВВП)

Направления кредитования	1992	1993
Кредиты правительству	14,2	6,4
Кредиты коммерческим банкам	14,2	4,4
Кредиты другим учреждениям	0,2	0,1
Кредиты странам бывшего СССР	8,2	3,0
Всего	36,8	13,9

Источник: ИЭА [1995], с. 210-211

Таблица 5

Российская финансовая помощь другим странам бывшего Советского Союза (в % от ВВП соответствующих стран)

Страна	1992 г.	Первые 7 месяцев 1993 г.
Узбекистан	69,2	52,8
Казахстан	25,1	48,8
Туркменистан	67,1	45,7
Таджикистан	42,3	40,9
Кыргызстан	22,6	23,9
Армения	53,2	19,7
Беларусь	11,9	8,8
Молдова	17,0	6,1
Украина	23,7	1,9
Азербайджан	20,8	-

Источник: Илларионов [1993]

Содержание

1. Введение	3
2. Основные экономические и политические предпосылки общей валютной зоны	4
3. Первый этап денежной дезинтеграции — экономическая война России с республиками Советского Союза (1990-1991 гг.)	8
4. Второй этап денежной дезинтеграции — после распада СССР (1992-1993 гг.)	12
5. Неудачные попытки восстановить рублевую зону (1992-1994 гг.)	14
6. Экономические последствия сохранения рублевой зоны	19
7. Заключение	22
Литература	24
Таблицы	26